



“Крестьянин”

Листок перекидного календаря 5 ноября 1972 года... Мы переворачиваем его шуршащую страничку: «50 лет со дня открытия (1922) IУ конгресса Коммунистического Интернационала». Последний конгресс с участием Ленина...

Коммунистический Интернационал, созданный по инициативе и при непосредственном участии В. И. Ленина, положил начало современному международному коммунистическому движению. Почти четверть века он возглавлял это движение, находясь в центре важнейших социальных битв своего времени. В истории этого движения IУ конгресс Коминтерна — особая веха. Конгресс определил тактику борьбы трудящихся с реакцией и фашизмом, ориентировал коммунистические партии на поиск новых путей подведения масс к пролетарской революции. Обобщив опыт национально-освободительной борьбы в угнетенных и зависимых странах, IУ конгресс выдвинул лозунг создания единого антиимпериалистического фронта.

В классовых сражениях предвоенного мира, в битвах с нацизмом во второй мировой войне, в гигантском размахе современных антиколониальных войн обрела плоть коминтерновская стратегия социального преобразования мира.

В. И. Ленин разработал и принципы межпартийных отношений. Следуя им, коммунистическое движение в последующие годы развивалось и крепло.

Дальнейшую творческую разработку ленинские принципы межпартийных отношений (продолжение на стр. 5)

...Я в гостях у Тюлебека. Он сегодня не в седле. Я в гостях у Тюлебека — выше неба на земле...

Человек зажимает локтем камчу, наваливается корпусом на ворота, оставляя узкую щель. Дерево скрипит, но выдерживает напор изнутри. Отчетлив стук копыт. Закрой глаза — и выйдешь в сырых сумерках летящие за тройкой дроги. Открыл глаза — нет никакой тройки.

Только обведенные плавной сереющей лентой, стертые веками зазубрины Алатау. Только выхлестывает из кошары через узкую промоину шумная овечья река. Блеет, отчихивается в ранней сырости, бьет копытами скудную траву предгорья. — Тур-р-р-у! — будто наткнулся поток на гортанный птичий выкрик, заложил спираль водоворота, замер. И вспомнились слова Тюлебека, сказанные день назад в юрте, когда сидели мы, его гости, на кошме, подобрав под себя по обычаю ноги, и Джамилы, жена Тюлебека, высоко поднимая половник над синтетическим ведром, переливала белый кумыс. Вот

ЗОЛОТАЯ
ЗВЕЗДА
ГЕРОЯ

что он сказал тогда: «Знаешь, овцу пасти легко. Телят — да, трудно, теленок глупый, бежит куда хочет, ему коллектива не надо, ты отвернулся — и где твой теленок? Я теленка не обижаю, такая у него природа. У овцы природа — вместе держаться. Как человек. Вместе корм искать, в устье прятаться, когда пришел буран. Ученые люди говорят: овца — стадное животное. Это — справедливо, сам посмотришь. Овцу легко пасти, она человека держится всегда».

Тюлебек говорит «легко», но разве его чабанская жизнь безоблачна? Действительно легко, если ты научился за шестьдесят четыре прожитых года по цвету заката, по запаху ветра выстраивать прогноз на завтра, чтобы не застиг врасплох отару голодных. Если подумал о запасе сена на случай голодного джуга. Если составил в уме карту выпасов, которая должна повторять движение по горам летней кормовой волны. Если точно спланировал время сакмана — располода в отаре, когда приходится спать



рядом с овцами и нужно столько добрых рук, чтобы ягнята родились и росли сильными, храня генетический тип киргизской тонкорунной.

Завершенная красота у этой овцы. Безрогая, гордо посаженная голова, глаза и рог не закрыты шерстью, сильные, обнаженные вверх от копыт ноги — все будто создано для того, чтобы животное сумело добыть траву из-под снега, чтобы не страшны были дальние, до линии вечных льдов, переходы. Добавьте к этому благородное тонкое руно, вес которого достигает четырех-пяти килограммов, — и покажется, что именно

ТЮЛЕБЕК КОЗЯНИН

таким запрограммировано природой для нужд человека это животное, именно таким сложила его эволюция в суровых условиях Киргизии.

Между тем за этой красотой скрываются семнадцать лет непрерывного труднейшего поиска. Семнадцать лет классического содружества науки и практики, воплотившего в себе и ленинский тезис о великой дружбе народов нашей страны.

Академик Михаил Николаевич Лушхин и чабан Герой Социалистического Труда Тюлебек Досбергенов. Два человека, работавшие вместе с другими селекционерами над выведением киргизской тонкорунной породы.

Они снова встретятся на звуковой страничке «Кругозора», как встретились впервые много лет назад, чтобы поверить друг другу и вместе пройти долгую дорогу — от случайных находок и временных отступлений к победе, к полному открытию. Вы услышите рассказ о том, как академик Лушхин, москвич, приехав-

ший в Киргизию почти юношей, чтобы, как он пишет в одном своем стихотворении, «воплотить мечты в свой смелый опыт», и молодой чабан сумел в конце концов, преодолев драматическое порой сопротивление вековых традиций, доказать, что новая порода овец выносливее и выгоднее старой, грубошерстной, курдючной. Тюлебек Досбергенов сейчас уже пенсионер. Но он работает. На них с женой совхоз «Джуан-Тюбе» возложил заботы об отаре племенных баранов, хранителей породы. По-прежнему в строю старый Тюлебек, по-прежнему он у самых истоков киргизской тонкорунной...

— Знаешь, есть река Таласс, начинается в Киргизии, горы ей воду дают, ее родники. Потом она течет по Казахстану. Течет, течет — и нет ее, пропала, ушла в пески за Ушаралом. Вот такая наша жизнь была. Прожил — как не жил, без следа и без радости. В горах росл, что за горами — не знали, не успевали узнать: горы высокие, а жизнь короткая. Я коммунист, иногда рассказы-

*Академик
М. Луцких
и чабан
Т. Досбергенов
связаны
общей
судьбой,
общим
делом.
Их диалог
слушайте
на звуковой
странице.*

АЛАТАУ

2

ваю молодым чабанам на собрании о речке Таласс, о старой жизни. Не верят, что я не знал слова «постель»: есть земля, есть камень — и хорошо. А сейчас — новое кино привезли, трое идут в клуб, один отару сторожит, завтра посмотрит. Заболели овца — не надо ветрача звать, есть аптечка, сам врач, если животное любишь. Раньше в горы на ишаке или пешком шли, теперь Батти Машаев, Искандер Баршев купили новые «Волги», у меня машина, у многих. Хорошие дома в совхозе, телевизор смотрим, в горы приемник берем, надо знать, как живут другие люди. Будет скоро море на речке Талассе, будет она полноводной, как наша жизнь сейчас...

Тюлебек говорит медленно. Полог юрты откинут, видно синее небо и красные горы за холмом. А на зеленой черточке горизонты — серая полоска отары.

Борис ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»
Совхоз «Джуан-Тюбе», Киргизская ССР

Фото автора



Тридцать лет тому назад, ясной осенней ночью, я стоял на посту у огнесклада. У меня была винтовка, два подсумка с патронами. На петлицах гимнастерки знаков различия не имелось, только «крылышки» — эмблема ВВС. Но, несмотря на эту эмблему, в воздух я не поднимался ни разу. Я был красноармейцем БАО — батальона аэродромного обслуживания. Мы работали на дне воздушного океана: сооружали КП, рыли блиндажи и землянки, укрытия-капониры для самолетов, заравнивали воронки после бомбежек, выводили истребители из их «гнезд» на земляное летное поле перед полетом, несли охрану аэродрома. Среди нас были ленинградцы, москвичи, белорусы, много было ребят с Украины. Все мы делали одно общее дело: обороняли Ленинград. Он уже был зажат врагом в кольцо, и мы тоже бились в этом кольце.

Теперь, когда со Дня Победы прошло столько лет, кажется, что иначе и быть не могло, что этот день, 9 мая 1945 года,

заранее был предсказан, запланирован. Но тогда, осенью 1942 года, еще не ясно было то, что будет. Мы и тогда верили, что победа в конце концов будет за нами. Но что будет с каждым из нас в отдельности — этого никто не знал. Я не знал, что через три месяца попаду в госпиталь — не по ранению, а из-за тяжелой дистрофии. Не знал, что буду переведен в армейскую газету. Не знал, что в 43-м в блокированном Ленинграде выйдет моя небольшая книжечка стихов, где одно стихотворение, посвященное моему родному городу, будет кончаться так:

Он победит. Он все залечит раны,
И в порт войдут, как прежде, корабли.
Как будущих строений котлованы.
За городом траншеи пролегли.

...Тридцать лет тому назад осенней ночью стоял я на посту у огнесклада. Здесь было все в порядке. Но с юга, со сторо-



3

Екатерина ЧАКОВСКАЯ

Теперь, кроме Ленинграда, где живут и делают свое дело ленинградцы: выпускают корабли и сборники стихов, растят детей и думают о будущем, помнят революцию и блокаду, — кроме Ленинграда, по которому носятся туристы, лихо радочно расставляя галочки на карте путешественника, разом пытаюсь охватить необъятное (таким был и мой Ленинград, потому что и я приехала сюда впервые, и я не могла выстроить хоть приблизительное равенство между числом отпущенных мне командировкой дней и бесконечным потоком улиц, набережных, зданий, которые с детства знаешь по книгам и кино и которые хочется увидеть своими глазами), кроме этих двух городов, есть теперь у меня и третий — Ленинград сапера Юрия Синицына...

— Поедете? Не передумали?

С подножки прыгнул человек в погонах старшего лейтенанта. Мы уже разговари-



РАЗМИНИРОВАНИЕ

МОНОЛОГ О ЛЕНИНГРАДЕ

Вадим ШЕФНЕР

ны Ленинграда, доносился смутный гул, шедший как бы по земле, а не по воздуху, будто там гигантским копром забивали гигантские сваи. Там, в высоте, двигались и перекрещивались белые размытые полосы, а ниже их что-то мерцало и вспыхивало. Потом небо над невидимым городом начало набухать красноватым заревом—это после бомбежки начались пожары. Теперь по вечерам над Ленинградом стоит ровное, доброе электрическое сияние, и с каждым годом оно все ярче и шире. Давно уже город ведет свое мирное наступление на окрестности, и я, коренной ленинградец, уже не знаю всех его новопроложенных улиц и, когда попадаю в новые районы, спрашиваю у прохожих, как пройти туда-то и туда-то. Но меня не огорчает эта топографическая отсталость, я рад, что город так быстро растет. Ведь не всегда так было.

Не удивляйтесь тому, что, говоря о Ленинграде, я говорю о себе. Это мой каменный друг. Я родился в нем в январе 1915 года. ▶



Фото Л. Лазарева

Дети так инстинктивно
чувствуют невидимый для многих
оплот за жизнь, за тишину
и спокойствие в Ленинграде.
На линии огня — саперы
Ю. Ситников и О. Козловский



и с той поры моя жизнь связана с ним. И отношусь я к нему, как к живому человеку, как к мудрому, строгому и доброжелательному наставнику.

Да, Ленинград — мой город-друг. Но мы во многом несхожи. Хотя бы в том, что он бессмертен, а я смертен. Но в его бессмертии нет ничего подавляющего душу. Это город Великой Октябрьской революции, это город, неразрывно связанный с именем Ленина, с величием его дел, вошедших в сегодняшний день. Это исторический город. Оставался самим собой, город меняется вместе с нами. Я помню его детской, юношеской и взрослой памятью.

Помню я, как году в 25 — 26-м на Тринадцатой линии Васильевского острова стали достраивать коробку огромного дома. Постройка была начата перед первой мировой войной, потом произошла революция, хозяин недостроенного дома сбежал за границу, все дома в городе стали достоянием Рес-

публики. И вот теперь трест «Металлострой» взялся за дело. Мы, ребята, возвращаясь домой из школы, нарочно давали крюка, чтобы поспотеть на строительство. Здание было вновь обнесено строительными лесами, по ним двигались рабочие. Некоторые из них несли за плечами «козу» с кирпичами. Сейчас, в век мощных кранов, уже мало кто знает, что такое «коза». А это было такое приспособление для ношения тяжелой. Нам стройка казалась необычайной по масштабу, грандиозной. Ведь до этого мы вообще не видели, как строят что-либо. Я помню Ленинград предвоенных лет, когда его кварталы меторопливо, но уверенно начали продвигаться на юг, когда булыжник постепенно начал уступать асфальту.

Я живу в Ленинграде 70-х годов. Это огромный, деятельный, процветающий город. Это город трудящийся, учащийся и учащий других. Это город создателей и мореплавателей. Это город со славным прошлым, весь устремленный в грядущее.



► РАЗМИНИРОВАНИЕ

вали с ним по телефону, и мне казалось, он должен выглядеть несколько старше. Он посмотрел на магнитофон, чуть заметно улыбнулся и жестом пригласил в кабину. Обыкновенная машина. Грузовик, который мог бы незаметно вписаться в уличное движение и в пыльный пейзаж стройки, если бы не лист броневой стали, разделивший кабину и кузов. Если бы не беспощадное в своей ясности слово, аккуратно выведенное дважды — под радиатором и по заднему борту: «РАЗМИНИРОВАНИЕ».

Шум мотора почти не слышен. Можно говорить, не повышая голоса. И мы говорим. Не о совхозе имени Тельмана, хотя мы едем туда и именно там обнаружен еще один, оставленный войной снаряд, еще один ржавый комок смерти, все эти тридцать лет ждавший своего часа. Речь идет не о десятках тысяч бомб, мин, снарядов, обезвреженных старшим лей-

тенантом Синицыным за годы, предшествовавшие этому вызову, не о хитрых ловушках, спрятанных в незнакомом взрывателе и, кроме прочего, разжигающих в сапере профессиональное любопытство: «Ну, что ты мне на этот раз приготовил?»

Говорим мы о Ленинграде. О городе, где вырос Юрий Иванович. О белых ночах, когда толпы застигнутых этим чудом людей, очертания домов, плоские издали деревья так отчетливы и так нереальны, что привыкнуть к этому невозможно. О ленинградском дворике, где любит Юрий Иванович гулять с дочками, правда, далеко не так часто, как этого бы хотелось и ему и им. О службах, берегущих покой ленинградцев — «Скорой помощи», пожарной охране, милиции. Не говорим мы только о пиротехниках. Странно, это слово, точно определившее профессию Синицына, раньше я наполняла иным смыслом; оно вызывало в памяти лишь карнавальную суету, бутафорские взрывы батальных киносъемок...

Резко оборвется новый район города. Побегит под колесами асфальт, стиснутый густой зеленью. Приблизится черепичные крыши совхозного поселка. Молодой солдат отпаркует: «Оцепление выставлено!» И начнется еще один поединок со смертью; она по ту сторону тронутого коррозией безжалостного железа, а по эту — старший лейтенант Синицын, люди его расчета. И их и меня охватит ощущение тревоги: ведь вокруг столько жизней, ведь совсем рядом земля ленинградская. А потом схлынет ощущение близкой опасности, растворится в обратной дороге по вечернему городу. Зеленый светофор, торопливая цепочка пешеходов у перекрестка, золотые купола, черточки антенн над крышами... Завертится в гостиничной тишине магнитофонная кассета, и Юрий Иванович Синицын скажет: «Сам я — ленинградец».

Ленинград

На третьей звуковой странице старший лейтенант Ю. Синицын ведет очередное разминирование.

ТРАДИЦИИ КОМИНТЕРНА

шений получили в документах совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. В современных условиях эти совещания — наиболее эффективная форма укрепления международных связей и передачи накопленного опыта. Международное совещание, состоявшееся летом 1969 года в Москве, вновь зафиксировало ленинские принципы в отношениях между братскими партиями в условиях их растущего влияния.

В наши дни уже стали традиционными такие формы сотрудничества и координации действий братских партий, как двусторонние консультации, региональные встречи, международные совещания. Обеспечивая координацию международных действий коммунистических партий в борьбе против империализма и их взаимную информацию, подобные формы сотрудничества в то же время ничем не ограничивают самостоятельность и независимость партий в выработке и проведении своей политики.

За последние полстолетия изменилась политическая карта мира. Родился лагерь стран социализма. И тесные братские отношения КПСС с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран во многом определяют сегодня политический климат планеты.

«Особое значение, — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — КПСС придавала развитию сотрудничества с коммунистическими партиями братских стран. Такое сотрудничество позволило нам, обогащаясь опытом друг друга, совместно разрабатывать принципиальные проблемы строительства социализма и коммунизма, находить наиболее рациональные формы экономических связей, коллективно определять общую линию во внешнеполитических делах, обмениваться мнениями по вопросам работы в области идеологии и культуры».

Связи между братскими партиями социалистических стран за последние годы носят все более деловой и оперативный характер. Каждая партия вносит свой вклад в сокровищницу международного теоретического и практического опыта,

совершенствует формы и методы социалистического строительства, опираясь на знания и опыт других партий.

Новым крупным шагом в деле укрепления сплоченности и взаимодействия коммунистических и рабочих партий социалистических государств явилась дружеская встреча руководителей КПСС, БКП, ВСРП, СЕПГ, МНРП, ПОРП, РКП и КПЧ летом этого года в Крыму.

Многообразны формы связей между братскими партиями. Это и тесное сотрудничество их Центральных Комитетов, и систематический обмен партийными делегациями, и взаимная подготовка кадров. Эти связи пронизывают буквально все области и аспекты живой деятельности братских партий. Чтобы представить широту размаха наших контактов, можно назвать несколько цифр: постоянно сотрудничают 119 республик, краев, областей, городов Советского Союза и 140 областей, воеводств, округов, аймаков и городов Болгарии, Венгрии, ДРВ, ГДР, Монголии, Польши, Румынии,

Чехословакии и Югославии. Вот только некоторые черты нашей совместной деятельности.

Особенно эффективен обмен делегациями и рабочими группами. Ведь во время таких поездок происходит глубокое исследование взаимного опыта, обмен информацией. Изучение опыта действительно, ибо оно направленное, конкретное. Делегация БКП, приезжавшая в Советский Союз для изучения работы по комплексной автоматизации производства и внедрению автоматизированных систем управления, по возвращении на родину обобщила все увиденное в специальном исследовании.

Опытом организационно-партийной работы обменивались москвичи с делегациями Берлинского окружного СЕПГ и Белградского горкома СКЮ, опытом идеологической работы — с делегацией Варшавского горкома ПОРП. В Москве побывали также делегации партийных работников из Будапешта, Праги и Софии, а москвичи в свою очередь посетили столицы ГДР,

Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии. Партийные работники Минской области знакомились в Варшавском воеводстве с практикой планирования работы комитетов ПОРП; воспитательной работы с кадрами. Делегация партийных работников Витебской области интересовалась постановкой воспитательной работы с молодежью в Зеленогурском воеводстве и извлекла для себя много ценного. Опыт партийных организаций Читинской области в работе с животноводами широко используется в соседних аймаках Монголии — Восточном, Хэнтэйском и других.

Волынский и Брестский обкомы партии вместе с Люблинским воеводским комитетом ПОРП провели научно-теоретическую конференцию «В. И. Ленин — гениальный продолжатель революционного учения Маркса и Энгельса, основатель Коммунистической партии, создатель социалистического государства, вождь международного рабочего класса». Такие же конференции с участием советских партийных работников состоялись в ряде социалистических стран.

Местные партийные организации обмениваются библиотечками, выставками, киносъемками. Из Хмельницкой области в Силистринский округ Болгарии было направлено 25 библиотек ленинских произведений. Одесский обком комсомола и Варненский окружной ДКСМ провели совместный поход молодежи по местам доставки ленинской «Искры» из Болгарии в Одессу. На общественных началах в Одессе и Варне были созданы музеи газеты «Искра».

Эта гигантская амплитуда деятельности — от координации внешней политики и определения боевых задач социалистического строительства до ежедневного конкретного сотрудничества местных организаций — и есть живая жизнь ленинской программы межпартийных отношений, славная традиция Коминтерна.

Олег ВИНОГРАДОВ

На первой звуковой странице нашего журнала слушайте Владимира Ильича Ленина, Клару Цеткин, Георгия Димитрова, Марселя Кашена, Пальмиро Тольятти, Эдварда Герека.

орлы и люди



Помню свою первую встречу с беркутом. Мне тогда было лет пять. Жил я у бабушки. Как-то отправились мы в гости. Там, в гостях, пока взрослые были заняты чаепитием и разговорами, я вышел из юрты поиграть. Оглянулся по сторонам и увидел вдруг подле дерева огромную, темно-коричневую птицу. Она спокойно сидела на кочке, сложенной из пластов дерева. Никогда еще я не видел вблизи такую птицу, и странно было то, что находилась она не на дереве, а на земле.

Я решил вспугнуть ее, чтобы посмотреть, как она полетит. А она ничего, точно и не замечает моего прутика. Я подошел ближе. Птица ворхнулась, пристально глянула на меня, медленно поднялась на сильных, крепких лапах, отчего стала еще больше. Тут я заметил, что на ноге у нее цепь.

Вдруг птица рванулась ко мне и ударом крыла сшибла с ног. В это короткое мгновение, когда птица развернулась, как пружина, я успел поразиться раз-



маху ее крыльев. Я закричал от испуга, а птица все кидалась ко мне и стегала концами крыльев — туями, жесткими, гажелыми перьями. Хорошо еще, цепь оказалась коротка.

На мой крик все выбежали из юрты. Хозяин стрел меня в охапку и, убедившись, что я цел и невредим, поставил на ноги. Ну, а женщины, известное дело, подняли шум. Особенно хозяйка:

— Я всегда говорила, не доведет это до добра! Разве ж это дело держать дома такую страшную птицу!

А бабушка благодарила всех богов и духов предков за то, что все обошлось так благополучно.

И вот, когда речь заходит о беркутах, я всегда вспоминаю, как крылья орла развернулись, точно выстрел, как ударили меня концы тугих, жестких перьев. Вот и в этот раз вспомнил опять...

Одно из чудес человеческого всеумения! Ловкий беркут по команде взмывает в небо, высматривает добычу, настигает и, схватив, отдает в руки хозяина.

Представьте себе, что вам удалось приучить таким образом льва или тигра, что бы на то вы сказали?

А ведь орел — могучая, свирепая, самая хищная птица, птица-царь в мире пернатых. И все-таки находятся люди, которые умеют внушить орлу свою волю. Тут надо сказать о еще одном благородном свойстве беркута, о котором мало кто знает, — о его орлиной верности. Признав однажды хозяина, беркут никогда не покидает его. Поэтому охотничьих беркутов не продавали, а лишь дарили в особых случаях. Нередко за известного беркута в знак благодарности отдавали скакуна.

Трудно сказать, когда человек приручил первого горного орла. Наверное, очень давно. В киргизских сказаниях обучение беркута охоте воспевается как высокое древнее искусство. Такого человека называют мунишкером. Об этих людях слагаются легенды, ими горятся, дети рассказывают своим детям о славном предке. На похоронах мунишкера пла-

кальщицы, воздавая хвалу охотнику и его птице, скорбят: «...Разве не сядешь ты на коня и не поскачешь в поле широкое, в горы горбатые с беркутом железнокоготным; или не побегут уж больше по травам густым красная лисица и бурый волк, устрашаемые клекотом орла и кликом твоим охотничьим; или не возрадуются уж наши глаза красной лисице и бурому волку, притороченным к торокам седла. На кого ты покинул нас, на кого покинул верного беркута, что тоскует на насее во дворе, ожидая тебя, ожидая, что поскачешь ты, великий охотник, в поле широкое, в горы горбатые и кинешь его в небо высокое...» Не каждый охотник способен обучить беркута. Не каждый сумеет достать птенца-орленка из гнезда в неприступных скалах. Охота с беркутом — это дело для людей, наделенных мужеством, твердым характером, терпением и мудростью.

Чингиз АЙТМАТОВ,
лауреат Ленинской премии
Фото А. Шторха

*«Я видел,
как старый
охотник
процает
со своим беркутом...» — рассказывает
Ч. Айтматов на четвертой
звуковой странице.*



О великолепный, дивный мир классической оперы, где мирная шоколадная фольга грозно подблискивает на алебардах оперной стражи; где лебедь не птица, а прекрасная женщина с прекрасным голосом; где нарисованная яд нарисованным садо-лува вызывает аплодисменты огромного зала; где теноры благодарны и беззащитны, а басы завистливы и коварны; где разыгрывается высшее назначение человеческого голоса, созданного ветью, а не браниться в переполненном автобусе.

О странный, раздражающий мир оперы, где проходящие нестройным строем воиты задевают плечами небо; где этакий самовар в кисейном платье, изображая юную барышню, легкими прыжками заставляет сцену дрожать, как при не очень сильном землетрясении.

Ах, если бы Левко был всегда юным парубком, Герцог — всегда грациозным и легким, Ленский — пылким и печальным! Именно таким был Леонид Витальевич Собиннов.

Искусство оперного певца — наиболее хрупкое искусство. Стихотворение, роман, симфония, картина переживают сотворившего их. Слова, ноты и холст остаются на века, но как остановить промчавшее мгновение? Чем удержать исчезающее колдовство живого, творимого у вас на глазах искусства?

Мы слушаем пластинки с записями Собиннова. Мы слышим этот мягкий, лирический голос, поражаемся необычайно четкой дик-

СОМНИСТЪ ЕТО

ция, глубочайшей нежности, скрытой в нем. «Поет Собинин» — произносим мы с благоговением. Но сам Леонид Витальевич отзывался о своих записях иначе. «У этого Собинина ничего особенного», — говорил он, слушая тот же самый голос, который звучит для нас и сейчас с медленной долгоиграющей пластинки. Понимая, как несовершенна механика в передаче живого человеческого голоса, Леонид Витальевич не любил записываться. Поэтому так мало собиновских пластинок. Итак, мы никогда не услышим, как пел Собинин на самом деле. Мы только знаем, что пел он еще лучше, чем слышится на нем. Но ведь было немало и других теноров. Что же сделал Собинин? Почему его так любила Россия?

Наклеим на одну старинную фотографию. На ней изображен человек: волосы его коротко пострижены, у него усы и маленькая, изящная борода. Рядом подпись под фотографией: «Н. Н. Фигнер — Ленский». Ленский в усах? Ленский с бородой? Дико, не правда ли? Но почему же дико? В то время, в конце XIX века, это не казалось таким уж диким. Николай Фигнер — несравнимый Фигнер, великий Фигнер, позволял себе это. Зачем ему сбрасывать усы и бородку, которые так шли ему в обывательной жизни? Пусть это никак не вяжется со спесивым образом, пусть трудно поверить в усатого Ленского бородатого Ромео, но голос-то, голос! Еще одна фотография: то же лицо, но уже ни усов, ни бородки, длинные, выпадающие на плечи волосы. И подпись та же: «Н. Н. Фигнер —

Ленский». Но в скобках добавлено несколько слов: «После исполнения этой партии Л. В. Собинновым». Да, вот что сделал Леонид Витальевич Собиннов! Оперный певец — это не движущийся на двух конечностях костью с прекрасным голосом, это (по Собиннову) и драматический актер, это живой человек с прекрасным голосом, это Левко — юный парубок, это Герцог — грациозный и легкий, это Ленский — пылкий и печальный, такой, каким его изобразили Пушкин («и кудри черные до плеч») и Чайковский. И после того как на оперной сцене появился и два часа жил, волновался, мучался от любви к ветреной девочке Ленский Собиннова, в другого поверить было уже невозможно. И стареющий, но еще не сдавшийся Фигнер к ужасу «фигнеристок» сбрасывает свою знаменитую бородку.

Давайте позавидуем тем, кто был 27 сентября 1899 года в Большом театре и слушал Собиннова — Фауста (и Мефистофеля — Шалыпина). Потому что в тот день перед ними вочую впервые предстали рядом две стихии русского искусства: разгул, ярость и сила — Шалыпин и нежность, задумчивость, мечтательность, лиризм — Собиннов. И я, никогда не видевший ни того, ни другого, закрыв глаза, слышу их обоих: «Ши-и-ре-ка-а-я масляница-а» и «Цветок весенний, задумчиво склоненный лавдыш...»

В средневековом ли итальянском костюме, в одежде ли русского воина, в плаще Ленского или же в концертном фраке выходил на сцену красивый и необычайно изящный человек и был

ВЕЛИЧЕСТВА

Он пел о любви, о надежде, о вере, и казалось, что за нежность, которая, конечно же, таится почти в каждом русском сердце, свободно и раскованно изливалась в этом голосе. Вот почему Собиннова любила Россия, вот почему ему восторженно аплодировали избалованные слушатели Милана и Мадрида. Леонид Витальевич Собиннов был великим певцом. Но не только певцом, не только оперным артистом. Он был и общественным деятелем, одним из первооткрывателей рождающейся социалистической культуры.

По письмам и статьям Собинова видно, как был шпрок к нему его интересы: васнецовские фрески Владимирского собора, художественные выставки, исторические работы Ключевского и Соловьева. И, словно о себе, Собинов писал о Чехове: «С Чеховым и его героями выплывали мы самые тяжелые слезы». И нам стало легче: зашевелилась опять вера, что мы отдохнем, что жизнь еще станет красивее, умнее, чище».

На пластинках Собинова, вышедших до революции, стоит его звание «солист Его Величества». Жизнь по-своему объясняет эти слова. Собинов стал любимым солистом Его Величества Народа, одним из первых народных артистов Республики.

Евгений ХРАМОВ

На седьмой звуковой странице Леонид Витальевич Собинков исполняет романс П. Чайковского «Средь шумного бала» и арию Лознгринга из одноименной оперы Р. Вагнера.



Сулайман МАЙМУЛОВ

РОДИНА МОЯ

Ты у меня в уме,
если стою на вершине, Родина моя.
Ты у меня во взоре,
если стою в долине, Родина моя.
Ты у меня на бумаге,
если я сочиняю, Родина моя.
Ты у меня в голосе,
если песнь начинаю, Родина моя.
Ты у меня в жилах,
если работаю днем, Родина моя.
Ты у меня в сердце,
если я занят сном, Родина моя.
Ты у меня в гортани,
если я говорю, Родина моя.
Ты передо мной, если пальцем
вожу я по букварю, Родина моя.
Ты со мною в радости и в беде, Родина моя,
Ты со мною всегда и везде.

Перевод с киргизского Е. Винокурова



Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии

Я РОДИЛСЯ В ПАТАРДЗЕУЛИ

Войду в ворота... Как цыплята,
Дни отрочества тут как тут.
И я, прикрытый тенью пшата,
Немедля нахожу приют.
И спросит дерево: с судьбою
Что сделал? Где твои мечты?
Любовь ли, юность ли — с тобою,
А может, загубил их ты?
Мне сшили из волиы Иори
Рубаху синей глубины.
Но есть в душе седые зори
И влага вкрадчивой луны.
И я хотел бы быть сардаром!
Хотел бы саблею блеснуть.
Построить дом. Голодным, старым
Дать хлеб с вином, беспутным — путь
Звездой Грузии родною
И розы красотой земною
Хочу зажечь я небосклон

И внукам сказанное мною
Как михетский передать хитон.

Заря моя и роза, я с тобой
Во сне и наяву, Патардзеули.
Проходят твоя тайною тропой,
Они в моей душе не утонули.
Где, братья, вы? Исчезли в тишине,
Развеялись, как дым, за дальней гранью.
Остались раной рваной во мне
Их жалобы, и ласки, и стеланья.
Отсюда вся страна была видней,
Здесь парус мой летел, забыв усталость,
Здесь теплилась надежда ранних дней, —
Зачем так мало от нее осталось?..
Снег мягко лег на пшати, словно стог.
С меня не опадут, как листья, годы?
Посеребрюсь? Взломаю лед? А то —
Вновь расцвету по манию природы?
А вдруг он переломится некстати,
Мой ствол, и не смогу его спасти?..
Благослови меня листовою, пшати,
Желаю мне, пшати, доброго пути!

Что завтрашние дни сулят?
Не раз предстанут в свете рьяном —
Оленем раненым закат,
Восход — взлетающим фазаном.
Иори вся вскипит до дна,
Застынут плакальщицы-тучи,
Поникнет пшати у окна,
Свирели всхлипнут так тягуче.
Запричитает двор. И вдруг
Умолкнут с ходу плясовые.
Кто светлячком погасит круг?
Им траур видеть не впервые.
Но никогда сиянье дня,
Как в шахту, не втянуть в могилу,
И тот огонь, что жег меня,
Голам развеять не под силу.
Я буду здесь. Я весь с тобой,
Как ласточки твои, мелькая,
Взлечу дорогой голубой,
Седой, в большое небо мая.
С тобой я буду петь, любя,
О юности — не потому ли,
Весна души, зову тебя,
Исток стиха — Патардзеули.

Перевод с грузинского Л. Озерова
Рисунки П. Цепелинского



певец представляет песню



Песню М. Фрадкина и Р. Рождественского «Я его не знал» в кинофильме «Минута молчания» пел исполнитель главной роли А. Кавалеров. На эстраде же впервые исполнил ее И. Кобзон. На международном фестивале в Сопоте песня получила специальный приз.

— Для меня, — говорит Кобзон, — ключ к этой песне в словах: «И живу я на земле доброй за себя и за того парня». Каждый раз я хочу увидеть того парня. Каким он был?.. Это песня-раздумье на гражданскую тему с близкими мне лирическими интонациями.

— Почетно, но и трудно быть первым исполнителем песни, особенно если ее написал молодой композитор. В этом случае испытываешь особую ответственность и за судьбу произведения и за его автора, — сказала Светлана Резанова, лауреат фестиваля «Золотой Орфей» в Болгарии. — Именно такую ответственность чувствовала я, когда стала исполнять песню О. Иванова «Что ж вы, тропочки» на слова И. Шаферана и П. Леонидова. Она очень простая, нежная, девичья...



10

Красноармейцу Петьке Трофимову приказали доставить Семёну Михайловичу Буденному — командиру знаменитой Первой Конной армии — важный пакет. Петька нес пакет долго. Прыгал с ним с высокого обрыва. Тонул в реке. Попав в плен к белым, пытался этот пакет проглотить (белым при этом почему-то показалось, что Петька



случайностей. Где, в каком именно театре, училище или коллективе найдет съёмочная группа того единственного актёра, который ей нужен, трудно сказать. Но потом, по прошествии некоторого времени, мы обнаруживаем во всех случайностях закономерность. Новое лицо, новый тип героя появляется на экране тогда, когда его ждут, когда он необходим, когда не случаем, а всем процессом развития кинематографа подготовлено это его появление. Поэтому мы не будем выяснять сейчас, как пришел режиссер Владимир Назаров к выводу, что именно актер Театра на Таганке Валерий Золотухин, до этого никогда не снимавшийся в кино, должен сыграть главную роль в художественном телефильме «Пакет». Скажем лишь, что

ГРЕМИТ РЕВОЛЮЦИЯ!

КОММЕНТАРИЙ
К РОЛЯМ АРТИСТА

На пятой звуковой странице актер Валерий Золотухин поет песни из телевизионного фильма и рассказывает...

В. Золотухин в фильмах
«Пакет»
и «Бумбараш».

проглотил язык). Потом никак не мог доказать красным, что пакет этот был, существовал в действительности, пока наконец не обнаружил в сапоге обрывки драгоценного конверта. А разобрать на нем можно было всего несколько слов: «Буденному, командиру Первой Конной...»

Другого красноармейца — звали его странным именем Бумбараш — тоже отправили в штаб красных с пакетом. Бумбараш полз с ним по черному от взрывов полю, нырял в глубокий колодезь, прятался в лесу. Он сохранил пакет и доставил его. А была в том пакете всего одна-единственная фраза: «Живи, Бумбарашка, и помни нас в светлом будущем коммунизма!»

...Иногда нам кажется, что судьбы актерские во власти





выбор этот не только во многом predetermined успех картины, но и в какой-то степени расширил наши представления о герое историко-революционного фильма.

И Петя Трофимов и новый золотухинский герой Бумбараш — странники на дорогах великой гражданской войны. Они, конечно, и сражаются и стреляют, но главная часть их экранного существования проходит в пути. Через все, что мы знаем уже о гражданской войне, через пять лет, через грохот закончившихся победой сражений они, эти герои, должны донести до сегодняшнего, современного зрителя не пакет, нет, и даже не канюю-то новую, еще неизвестную нам информацию, а чувство, настроение, ощущение тех далеких, забываемых лет.

Что же это за чувство?

Чтобы понять суть образа, сыгранного Валерием Золотухиным, обратимся к повести Аркадия Гайдара, по мотивам которой режиссерами А. Наро-

дицким и Н. Рашевым и поставлен на студии имени Довженко фильм «Бумбараш». Вот как описывается в повести возвращение Бумбараша домой из германского плена: «Слез Бумбараш на знакомой станции. Кругом шум, гам, болтаются флаги. Бродят солдаты. Ведут арестованных матросы. Пыхтит кипятильник. Хрипит из агитбудки облезлый граммофон. И, стоя на грязном перроне, улыбается какая-то девчонка в кожаной тужурке, с наганом у пояса и с красной повязкой на рукаве. Мать честная! Гремит революция!»

Если попытаться вспомнить, какая строка из этого абзаца наиболее точно сохранена в фильме, то это будут, наверное, не фигуры людей, не детали взбаламученного вокзального быта, а почти вроде бы и неперебиваемое на язык кино эмоциональное восклицание писателя:

«Мать честная! Гремит революция!»

У золотухинского героя словно бы постоянно на устах это восклицание. Он похож на Иванушку из сказки русской сказки, который на полном скаку влетел в революцию, оседлав, как Конька-Горбунка, маленький, лихой, запыханный паровоз. И — мать честная! — что же он видит? Смелая фантазия авторов фильма ведет в одном хороводе рассудительных селян, опереточных бандитов, красных бойцов, чьи фигуры, суровые, вдохновенные лица словно бы воскрешают перед нами эстетику живописи, литературы, искусства первых послереволюционных лет.

Сталкиваются армии! Рушится старый мир! Для того чтобы передать все многообразие впечатлений, волнующих героя, ему порой не хватает слов — и тогда Бумбараш выражает

свое чувство в песне или в той мечтательно-печальной кадрили, когда медленно поворачиваются перед нами худенькие плечи Вареньки, подруги Бумбараша, ее лицо, лица и глаза солдат, уходящих в бой.

Сказать, что Золотухин верит в происходящее, — значит, ничего не сказать: верит каждый талантливый актер. Но в вере Золотухина всегда есть элемент какого-то непосредственного, радостного изумления. Все, что переживает он, как будто переживается на экране впервые. И, наверное, сегодня такой вот импульсивный, непосредственный, скорее чувствующий, нежели размышляющий герой очень нужен нам. Историко-революционная тема имеет много аспектов. Появляются и, конечно, будут появляться и фильмы, снятые под

документ, строго придерживающиеся фактов, и эпические, монументальные произведения, и приключенческие ленты, и драмы на материале гражданской войны. Все они необходимы нам. А у героя Золотухина, пробирающегося с пакетом по взбудораженным дорогам гражданской войны, своя цель, свое особое задание. Спустя пятьдесят с лишним лет после того, как одержана победа, он вдруг доносит до зрителя, сидящего в современном кинотеатре или перед голубым экраном телевизора, это эмоциональное потрясение Революцией, этот возглас, вырвавшийся из самой глубины народного характера: «Мать честная! Гремит революция!»

Т. ХЛОПЛЯНИНА

Рисунок А. Яковлева



Утром еще один поезд привез казаков. Они, изумленно рассматривая виднеющийся вдаль Петербург, выводили лошадей по деревянным сходням из вагонов. Они много видели и в Галиции и на Карпатах завоеванных городов, но самый страшный город — это был Петербург, где жил их царь.

Направо, на довольно высоком холме, среди редкого сада высилось большое темное здание. Об этом здании говорил генерал, делавший на шоссе смотр. Он упомянул о храмах науки, которые хотят уничтожить германские шпионы, о церквях, в которые вводят лошадей. Сам он был бульварный романист, и он действительно верил, что в Петербурге теперь восстали немецкие шпионы и революция произошла на деньги кайзера. Он был монархист. Но странно, он был доволен арестом царя, и в папке у него лежал уже проспект романа, и дневник его писался необыкновенно тщательным почерком, словно от каждой буквы зависела судьба империи.

Всеволод
ИВАНОВ

ОБСЕРВАТОРИЯ

Он объехал казаков и тонким голоском прокричал, что сейчас придет верховный главнокомандующий Керенский. Затем в сером автомобиле показался худой человек в желтых гетрах.

А вечером, или, вернее, в полдень, потому что день был темный и длинные очереди толпились у лавок поселка, казаки пошли к девкам...

Леньша шел по пригороду и думал, что теперь делается у него дома, в поселке подле Иртыша. Наверное, удят рыбу через проруби и возят по горячему пути дрова из бору.

Серое здание обсерватории походило в голубом сумраке вечера на курган, и так же, как на кургане, лежали на нем охапки снега.

Смутное беспокойство овладело Леньшей. Он было повернул обратно. На шоссе, прямо, как нож, направленном к городу, толпились казаки, и Леньша вспомнил, что на полдень назначено наступление на город, а все об этом забыли. и, может быть, потому, что говорили больше

о винном погребке, что стоит за поселком.

Леньша сел на пень. К нему подошел человек в пальто с барашковым воротником и стал объяснять про звезды и телескопы. Чтобы отвязаться от него, Леньша сказал:

— Хорошо бы посмотреть...

Человек охотно согласился показать ему Марс — планету войны.

— Значит, всегда там воюют? — спросил с тоской Леньша. — Сплошь воюют, а иам немцы не дают покоя, — добавил он со злостью.

Они по большой лестнице поднялись в обсерваторию. Леньша наклонился к стеклу, увидел мутную звезду, похожую при закате на сгусток крови, и недовольно проговорил:

— Все омман, никаких там звезд нету. — И, со злостью оглядев щупленького человечка, особенно его барашковый воротник, сказал:

— Окопались тут пред разные предлоги, сволочи, хмяры...

Затем он ушел далеко в кусты, но все равно всюду перед ним маячил город, издали в тумане похожий на звезду, которую он видел в телескоп. Тоска не проходила. По аллеям продолжал гулять человечек в барашковом воротнике. И вдруг Леньша начал потихоньку подвывать по-волчьи. Казалось сначала, что голос идет далеко из-за поселка, и человечек в барашковом воротнике обернулся и посмотрел на закат. Вой стал увеличиваться. Туман оседал; человечек поспешно пошел домой. Когда он проходил мимо Леньши, тот высунул из-за куста длинную, попавшую под руки жердь, и ноги человечка запутались меж жерди, он упал, потешно вытянув тонкие пальцы.

Другой человек, в полушубке и в фуражке, давно наблюдавший его проделку, раздельно, как у ребенка, спросил: — Где тут к казармам пройти, товарищ? Леньша знал по его упрямому, усталому лицу, что все равно тот найдет дорогу, и потому сказал со злостью:

— У нас там генерал говорит. Однако пойдем, провожу.

И позже с неприязнью смотрел Леньша на его самодельную папироску, и, чем больше говорил тот, что не надо воевать, что земля принадлежит всем, тем папироска его горела все ярче и ярче и все более раздражала Леньшу. С непонятной злобой растоптал Леньша папироску агитатора и ушел. И вдруг понял: он сегодня умрет.

Он почувствовал адский запах во рту и побежал к фельдшеру. У фельдшера была путаница. Он сунул ему лекарство трясущими руками, а потом на улице хотел отнять.

— Яд! — кричал он, бледнея.

Леньша махнул перед его лицом кулаком...

Мчалась к Петербургу батарея. Солдат, сидевший у орудия, читал газету.

— Стреляй им вслед! — крикнул Леньше скакавший мимо офицер.

Леньша хотел спросить: «А зачем?» Но ему было скучно, да к тому же он подумал, что у офицера такое глупое лицо — наверное, ничего не понимает.

— Видно, подохну, — подумал он с тоской, озираясь на обсерваторию.

Весь ослабший и пустой, Леньша отвязал лошадь.

— От такого дела надо ехать домой. Он не знал, куда ехать, и пустил лошадь через парк. В седле он сразу осмелел. Он вспомнил человека в барашковом воротнике, показывавшего ему планету, генерала, говорившего писклявым голосом, и Керенского в автомобиле. Он засмеялся над всеми и шестью ударил по покрытой снегом ветке. Конь перепрыгнул через какую-то канаву, и тогда Леньше показалось, что дорога выбрана правильная. Он обернулся. Позади на холме высилась в небе труба рефлектора. В башне вспыхнул огонь, и раздвинулась часть крыши. Огонь побежал ниже — должно быть, человек в барашковом воротнике спускался к стеклам, чтобы увидеть планету-звезду, на которой всегда воюют.

Дрожь и тоска, которая, казалось, прошла, когда Леньша вспрыгнул в седло, опять вернулась к нему. Он пошатнулся. Лошадь, чуя отклоненные рукой повода, шарахнулась в сторону. Леньша нахло-

нулся и долго рассматривал землю, покрытую каким-то пёвсамделишным снегом, и наконец протяжно проговорил: — Смертенька...

В тумане и мгле на низенькой заиндевшей лошаденке, высоко подпрыгивая, носился по парку всадник. Он хлестал нагайкой по коню, по деревьям. Он был без фуражки, и тело его держалось в седле больше по привычке. Казак прикрикивал, свистел.

Не перебить всех веток, порывающихся сорвать его голову. Не выбить из себя непопнутую тоску и муку. Конь хрипит и задыхается, седло съело ему спину.

А позади них груба рефлектора медленным движением вокруг наклонной оси, руководимая мощным часовым механизмом, шла по небу вслед за созвездием Тельца. И с ревом неслись к новым созвездиям под гул орудий, взрывы и вопли потонувший в крови и пламени город.

...Утром горнист не успел по привычке пробудиться. Он лег поздно, и ему

*Из цикла
«Рассказы
об Октябре»*

показалось, офицер крикнул: «Сбор!» Трубу он носил в такое беспокойное время всегда с собой. Натягивая одной рукой вонючую портянку, он затрубил. Это разнесло его звук по пустой казарме, и он отбросил трубу. Но услышал стук копыт, и лошадиная окровавленная морда просунулась в дверь.

— Куда лезешь? Распустили вас...

Лошадь захрапела и свалилась.

Горнист подошел ближе. Перед ним сидел сброшенный при падении лошади скуластый казак. Корявые руки его раскидались, а от зноя оледенели волосы.

— Ты чего же, — спросил строго горнист, — крутишь-то так?

Леньша ткнул пальцем на лошадь:

— Вернулась на рожок. Всю ночь несли.

— Куда несли?

— Домой.

— Подохла.

Леньша поднял голову.

— А четыре года только было коню. Аппитный зверь. Я на нем восемь раз Карпаты объехал, а сегодня, думал, отдохну

Ему вдруг стало весело. Мысли о смерти прошли. Обсерватория была в тумане. Но он все-таки соврал:

— А я его старичка на дороге встретил. Станул слегка по хребту. Аграпома с трубой, кикимору.

— Геперь нельзя.

— А ты не юли против рабочего народа. Звезда-а!..

...Казак шёл к вокзалу со знаменем полковым и рядом красным. Одни из них пели «Славное море, священный Байкал», а другие — «Марсельезу». Некоторые говорили о бежавших генералах, о скрывшемся Керенском. Генералы поездами, говорят, увезли деньги, а Керенский — царскую корону. Шагали по-своему, тихо, словно на свадьбу.

Здесь Леньша увидел вчерашний полушубок. Он остановился против него и проговорил:

— Твоя правда была, конец казачеству, настала свобода, издох мой Серко.

Полушубок не понял:

— Что ты говоришь, товарищ?

Леньша хитро подмигнул:

— Конеч, говорю, свободному казачеству, коли не найдешь дорогу. Всю ночь не мог найти. Прямо к паровозам не сел. А я, коли я верхом, напоследки хочу домой присхатъ.

— Составы готовы, через неделю будете дома.

Леньша подмигнул опять, достал папироску:

— Звезду мне показывали на днях как-то, вся в крове. А мне плевать, мне офицерье надоело. Дай прикурить.

Он с полной благосклонностью прикурив и весело полез в теплушку. Испитый паренек в бабьем салопе сунул ему в руку прокламацию, сообщающую о переходе власти в руки Совпаркома.

— Вот звезда, — сказал Леньша. — Зачем же мы сюда приезжали? Серко сдох, на душе — земля. Зачем приезжали?

Но никто в теплушке не объяснил ему, что произошло подле обсерватории, где застряли последние автомобили штаба верховного главнокомандующего.

1925 г.

Рассказ печатается с сокращениями
Публикация Т. Ивановой
Рисунок А. Брусиловского

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Имя известного советского композитора Григория Пономаренко в нашем сознании неразрывно связано с песней. Даже самым равнодушным к искусству людям наверняка запомнились его задумчиво-грустные «Тополя», стремительный «Белый снег», задорные «Волжские попевки». Не случайно, что именно волжская тема широко представлена в его песнях, именно она вскормила его, пробудила горячую любовь к народному творчеству. Не раз и не два обошел Волгу Григорий Пономаренко пешком от истоков до устья, записывая непередаваемые по красоте волжские мелодии, которых было им собрано более четырехсот!



надрыва, ни малейшего намека на слезливый сантимент. Пономаренко живет в Волгограде, городе, ставшем тридцать лет назад свидетелем массового героизма и несокрушимого мужества советских людей, их преданности Родине. Общаясь с участниками Сталинградской битвы, композитор непрестанно думал о песне, которая прославила бы подвиг сталинградцев. Вместе с поэтессой Маргаритой Агашиной после долгих поисков была написана «Волгоградская березка» — ода Родине, памятник бессмертию ее погибших героев. Уже не одну сотню раз я исполняю эту песню перед самой разной аудиторией. Не скрою, что испытываю особое волнение, когда вижу слезы на глазах совсем юных мальчишек и девочек, узнающих о

услышано сердце и

Характерно, что в лучших песнях композитора явственно прослушивается народная мелодика. Взять хотя бы популярную «Ивушку», написанную отчасти на основе известной русской народной песни «В низенькой светелке».

Преданность русской песне, национальному фольклору сделала Пономаренко одним из основателей и художественным руководителем Волжского народного хора. Григорий Федорович — частый и желанный гость и советчик других хоров и групп художественной самодеятельности.

Я познакомилась с Пономаренко, когда была солисткой хора русской песни Всесоюзного радио и телевидения. Певцы и музыканты ждали встречи с композитором, ибо каждая из

них приносила всем нам большое творческое удовлетворение. Одной из самых любимых песен Пономаренко стала для меня песня «Оренбургский пуховый платок» на стихи В. Бокова. Я пою ее вот уже более семи лет. Вспоминается, с каким энтузиазмом принимали исполнение этой песни чуткие на искренние, затрагивающие душу мелодии японцы во время наших гастролей. Один из музыкальных критиков писал, что «Оренбургский пуховый пла-

ток» — это подлинный гимн матери, написанный целомудренно, певуче, как это и свойственно русской музыке».

Неизменным успехом до сих пор пользуется написанная в духе современного романса песня «Что было, то было». Мне она близка своим светлым настроением, хотя говорится в ней о переживаниях далеко не радостных. Здесь композиторское чутье подсказало удивительно точное песенное решение столь интимной темы. И никакого

войне, о подвигах своих отцов и братьев по книгам, кинофильмам, музыкальным произведениям. Вот прямое доказательство возможности патристического воспитания молодежи через песню, прочувствованную и выстраданную шедрым сердцем композитора.

Григория Пономаренко редко можно застать дома. Маршруты его поездок по стране длинные, запутанные и очень разнообразны: Кавказ, Крайний Север, Дальний Восток, средняя полоса России, Урал. И лишь потом когда-нибудь из его песенной строки станет ясно, как он странствовал, где был, с кем встречался.

На шестой звуковой странице песни Григория Пономаренко «Что было, то было» и «Подари мне платок» на стихи Маргариты Агашиной исполняют Людмила Зыкина и квартет «Улыбка»; «Моторочку-моторку» на стихи Виктора Бокова поет Александра Стрельченко.

Фото А. Лидова

Людмила ЗЫКИНА,
лауреат Ленинской премии,
народная артистка РСФСР

„ЧЕРВОНА РУТА“

9

Давным-давно сложили в Закарпатье легенду о червоной руте — цветке, что распускается раз в году в ночь под Ивана Купалу. Девушка, нашедшая его, может приворожить любого парня. Услышал легенду самодельный композитор, студент-медик Владимир Ивасюк. И зазвенела, закружилась она в крутых ритмах современной песни. «Червону руту не шукай вечорами...» — слышал я и в Подмоскowie, и на улицах Ташкента, и на Братской ГЭС...

С недавних пор «Червона рута» не только название песни, но и имя черновицкого музыкального ансамбля, снискавшего уже довольно широкую популярность. Столь же, если не больше, популярно имя его солистки — Софии Ротару, лауреата IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

На вопрос о том, когда началась Ротару-певица, София обычно отвечает: «Я же молдаванка. А молдаване без песни, что птица без крыльев. Мне кажется, я пепа всегда...»

А если зайдет разговор о червонной руте, окажется, что для Софии многое было связано с этим цветком в минувшем году: она снималась в телевизионном музыкальном фильме, который так и назывался: «Червона рута», пепа в нем песню Ивасюка.

Может быть, она и есть та девушка, которая в ночь под Ивана Купалу нашла чудный алый цветок?

П. ЕРМИШЕВ

Девятая звуковая страница — первая пластинка ансамбля «Червона рута». На ней записаны песни В. Ивасюка «Червона рута», «Водограй» и молдавская народная песня «Ионел».



Репортеры любят рассеянный свет и плавающее эхо аэровокзалов. Именно там в наших магнитофонах оседают первые и последние (перед отлетом) восклицания, разговоры, впечатления, воспоминания. Так, в одном из «аэродромных листков» моего звукового блокнота польская певица Анна Герман говорила о том, как она ночами, после концертов, записывала свою первую пластинку на фирме «Мелодия» и как редактор Анна Качалина и звукорежиссер Виктор Бабушкин кормили ее в паузах кофеом с пирожными.

В другой кассете запечатлелся смех популярного чехословацкого артиста Карела Готта и его шутилая благодарность москвичам, давшим ценный совет — уезжать в воскресенье за город, подальше от телефонных звонков и не в меру назойливых поклонников.

Анну Герман и Карела Готта я встречала и провожала не раз. Но вот после первого знакомства и очень интересных гастролей Москву покидают «Красные кораллы». Это псевдоним артистов югославского ансамбля из Загреба.

Во время интервью я спросила у одного из солистов этого ансамбля, Бориса Бабаровича:

— Как вы преодолевали языковой барьер?

Он ответил:

— Перед гастроями мои коллеги учили русский как следует, я запомнил только слово «хорошо», полагая, что этого достаточно. И поплатился. В аэропорту меня спросили: «Ваш багаж

ГОСТИ
МОСКВЫ

ОГНИ РАМПЫ И ВЗЛЕТНЫХ ПОЛОС

выгружать или он пойдет дальше?» Я ответил: «Хорошо», — и его отправили дальше. А я три дня выступал в обычном костюме. В Ленинграде у меня спросили, видел ли я когда-нибудь белые ночи. Мой ответ — «хорошо» — вызвал сначала недоумение, а потом смех. И только один раз это слово попало в цель. В Баку, в магазине грампластинок, я застыл, услышав прекрасный голос. Продавец поинтересовался: «Ну, как поет наш Муслим?» «Хорошо», — с энтузиазмом отозвался я, и все вокруг заулыбалось. Постепенно мой словарь расширился. Днем мы ходили играть в футбол, и много слов я почерпнул у болельщиков школьного возраста. Особенно мне нравился термин, который они пускали в ход, когда я касался мяча: «Мазила!» — кричали мальчишки. И вот на концерте, чтобы подбодрить нашего ударника во время соло, я обратился к залу: «Каков мазила, а?» Публика отреагировала должным образом, и на другой день я уже корпел над русской грамматикой. Надеюсь в следующий раз обойтись без переводчика.

Светлана ЧЕКРЫГИНА

На одиннадцатой звуковой странице нашей гостии чуть поменялись места. Первым выступает Карел Готт с «Радостью жизни» К. Свободы. Анна Герман поет «Подобную правду» (музыка М. Сарта). «Мой господин Бени» — песенку из оперы Гюно И. Тигяровица, М. Долежала и П. Готтоваца «Маленькая Флора» — исполняет ансамбль «Красные кораллы».



На фото
А. Лидова и
Ф. Соловьева —
Анна Герман,
ансамбль
«Красные кораллы»,
Карел Готт.



слушайте

в

номере



11 (104) ноябрь 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. **Наша сила — в единстве.** Говорят деятели международного коммунистического и рабочего движения.

2. **За золотым руном.** Рассказывают чабан Т. Досбергенов и академик М. Луцких.

3. **Смерть в ладонях.** История одного разминирования в Ленинграде.

4. **Крылатая охота.** Писатель Чингиз Айтматов о древнем ремесле киргизских мунишкеров.

5. **«Я очень люблю Гайдара».** Актер В. Золотухин в телефильме о Революции.

6. **Композитор Григорий Пономаренко:** «Что было, то было», «Подари мне платок», «Моторочка-моторка».

7. **Поет Леонид Собинов.**

8. **Звучит бетховенский рояль.** Первая часть Лунной сонаты в исполнении Э. Грёшеля.

9. **Ансамбль «Червона рута».**

10. **Певец представляет песню.**

И. **Кобзон:** «Я не знал его».

С. **Резанова:** «Что же вы, тропочки».

11. **Гости Москвы:** Карел Готт (Чехословакия), Анна Герман (Польша), ансамбль «Красные кораллы» (Югославия).

12. **Жильбер Беко (Франция):** «Дорога», «Когда Жюль беретса за скрипку», «Я жду тебя».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«Мы — кузнецы».
Рисунок художника
А. Гамбурга

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

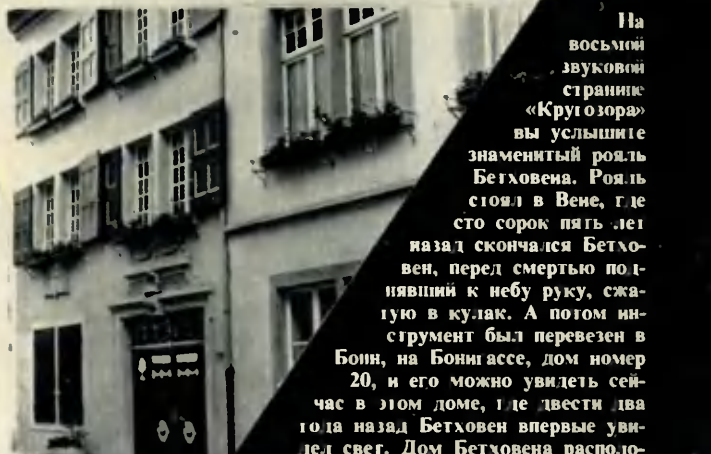
РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, 113326
Пятницкая, 25

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28. IX 1972 г.
Б 05925
Подписано к печ.
13. X. 1972 г.
Формат
бумаги 60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3579. Цена 1 руб

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.



На
восьмой
звуковой
странице
«Кругозора»
вы услышите
знаменитый рояль
Бетховена. Рояль
стоял в Вене, где
сто сорок пять лет
назад скончался Бетхо-
вен, перед смертью под-
нявший к небу руку, сжа-
тую в кулак. А потом ин-
струмент был перевезен в
Бонн, на Бонниассе, дом номер
20, и его можно увидеть сей-
час в этом доме, где двести два
года назад Бетховен впервые уви-
дел свет. Дом Бетховена распо-
ложен недалеко от центра, от рыночной
площади и ратуши. Но мне довольно
долго пришлось его искать, потому что
лишь последний из трех прохожих — я оп-
рашивал только пожилых и по виду местных
уроженцев — указал мне правильный путь.
Бонниассе — такая же, как и много лет назад.
Узкая улочка, с узкими, поставленными тесно,
как бревна в частокале, домами. И лишь плиты из
нового цветного бетона отмечают заботливое сегод-
няшнее внимание. Входя в дом Бетховена, так же как

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ **РОЯЛЬ**

входя в дом Чайковского в Клину или в пушкинский дом на Мойке в Ленинграде, испытываешь необычайное волнение. Невольно в этой простой, даже бедной обстановке ищешь среди предметов быта, на самих стенах, в пейзаже, открывающемся из окон, те скрытые и — увы! — несуществующие черты, которые предопределили бы рождение или почерк гения.

Здесь их тоже нет. Три комнаты на двух этажах, выходящие окнами на двор. На подоконниках в ящиках цветет огненная герань. И несколько других комнат, глядящих на улицу. В верхней, в мансарде, единственное низкое окно которой обращено во двор, темным зимним днем 16 декабря родился Бетховен. В эту комнату сейчас, как в святилище, войти нельзя. Из-за бархатного канатика, перечеркивающего открытую дверь, видны тяжелые, струганные плахи полов — тех полов! — и окно, глядящее в небо. Если повернуться спиной к двери, то через коридор и проходную залу виден бетховенский рояль. Если бы старый композитор, закутанный в ветхий шлафрок, сел к роялю, то его взгляд, произведя недлинную анфиладу комнат, остановился бы на светлом квадрате неба. Из этого окна впервые упал на него свет.

Бетховен любил прогулки, скрип палой листвы под ногами, бегущие облака, любил разглядывать лица прохожих. Когда он работал, для него много значил вид, открывающийся из комнаты. Он любил пение пастушеского рожка, свист ветра — он любил мир звучащих. В том, что он любил, ему было отказано. В музейной витрине лежат очки с сильными стеклами и коллекция слуховых трубок — «чертей» «кривого рога», как их называл композитор. С орудием пыток сравнил их в своем очерке М. Шагинин. Внешне это не безобидные короткие рожки, а огромные, часто полуметровые приспособления из меди и латуни с раструбами и резонаторами. Но суть сравнения не во внешнем сходстве. Глухой композитор!

«Какое унижение, — писал братьям из города Гейлигенштадта Бетховен в письме, получившем название «завещание», — когда кто-то возле меня слышит издали флейту, а я ничего не слышу, или кто-нибудь слышит пение пастуха, а я опять ничего не слышу, — такие случаи доводили меня почти до отчаяния, доставало немногого, чтобы самому кончить свою жизнь...

О, люди, если вы когда-нибудь это прочтете, подумайте, как вы были несправедливы ко мне, а несчастный — пусть он утешится, найдя себе подобного, кто — назвал всем несправедливостям природы — делал все, что в силах его, чтобы стать в один ряд с достойными художниками и людьми...» Это написано 6 октября, в 1802 году, когда еще не были созданы ни «Героическая», ни Пятая, ни Шестая, ни Девятая симфонии. В том же году, когда написана была соната опус 27, номер 2, названная впоследствии Луниной.

Именно эту сонату играет на звуковой странице журнала пианист Эрнст Грёшель.

Есть глубокий смысл в том, что этот рояль стоит в той же комнате, где в витрине — медные стетоскопы Бетховена.

Оре-
хо-
вый
свет-
ло-корич-
невый рояль,
специально скон-
струированный для
Бетховена мастером Кон-
радом Графом, имел четыре стру-
ны для каждого тона, чтобы глух-
нувший музыкант мог слышать себя. Бет-
ховен играл на этом рояле до конца жизни.
Сейчас рояль восстановлен. Сохранено боль-
шинство струн. А клавиши остались такими же —
желтыми и глубоко истертыми пальцами глухонемого
и одинокого Бетховена. Бетховен уехал из тихого,
почти деревенского Бонна с его фиолетовыми анемонами
на клумбах, розовым боярышником, каштанами и синими
ирисами в возрасте 22 лет, но его всегда тянуло к себе род-
ные края. «Местность, где я сейчас живу, — пишет он в ок-
тябре 1826 года, — напоминает мне в какой-то мере родные
рейнские края, которые я так сгустно хотел бы вновь уви-
деть, ибо покинул их еще в юности».

Но представим себе возвращение старого Бетховена...

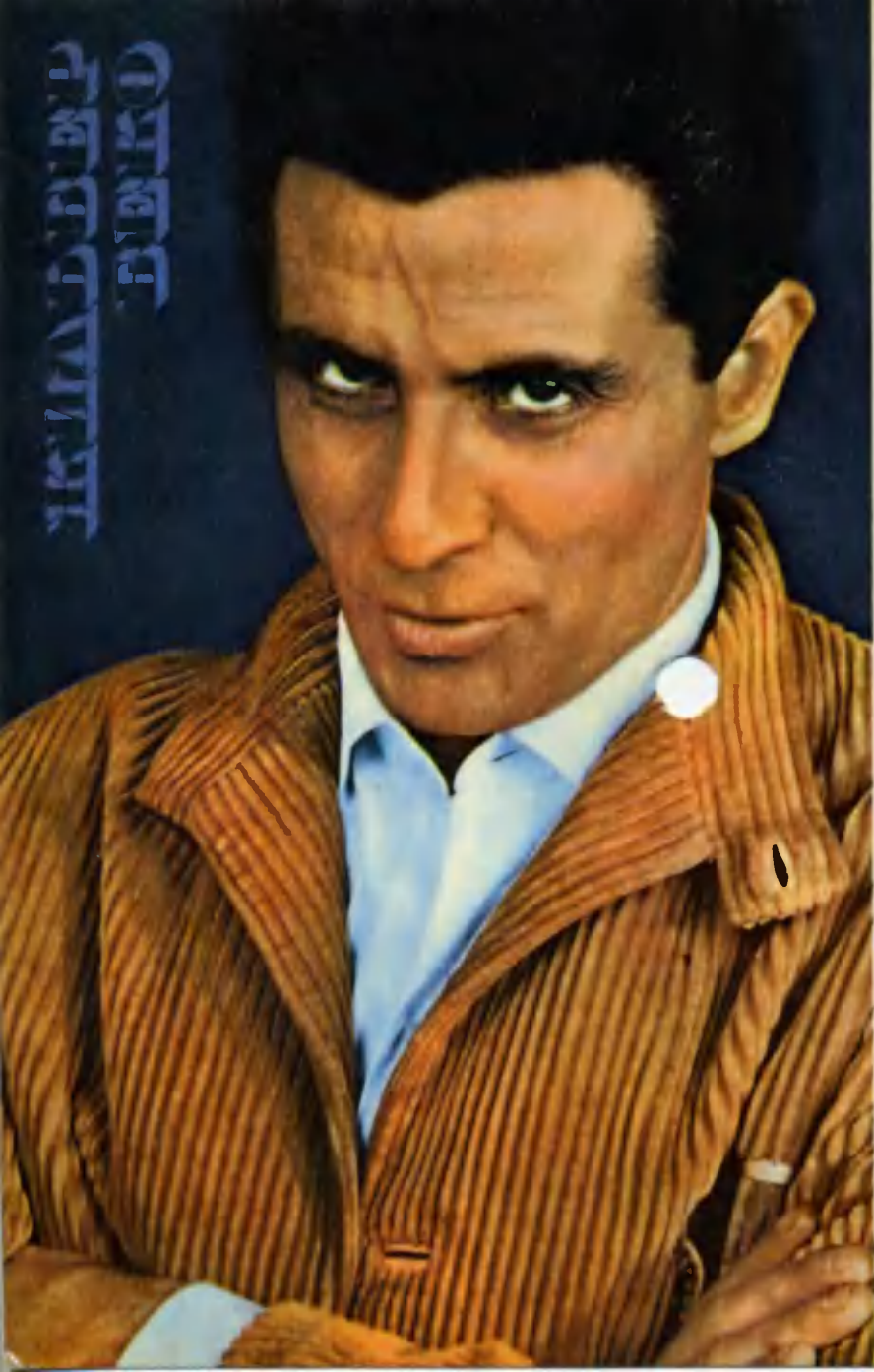
«Корепастая фигура, несколько ниже среднего роста, по-
пешно шагает по улице. На нем модные белые чулки, свет-
лые панталоны, такого же цвета жилет, искусно повязанный
вокруг широкого воротника белый галстук, нахлобученная
шляпа, широко развевающийся синий фрак с медными пугови-
цами. Полы фрака тяжело нагружены. Во время ходьбы дни ча-
сто распахиваются: в их недрах скрывается объемистая, продол-
говатая тетрадь в четвертую долю листа для набросков, разго-
ворная тетрадь в восьмую долю листа, толстый плотничий каран-
даш, слуховая трубка и другие необходимые предметы. С зало-
женными за спину руками, наклонив вперед верхнюю часть ту-
ловища, высоко поднимая голову, Бетховен быстро идет вперед.
Вдруг он замедляет шаги, вытаскивает из кармана одну из тет-
радей, начинает делать заметки и при этом то тише, то гром-
че бормочет и жестикулирует. Затем прогулка продолжает-
ся...» Бетховен входит в дом. Поднимается по лестнице.
Садится за рояль с истертыми клавишами. Перед ним че-
рез недлинную анфиладу окон, за которым крохотный
садик: несколько скромных деревьев, бузина с се-
ребристой корой, лужайка, где воздвигнут бюст
Людвигу ван Бетховену...

На фото автора: памятник Бетховену;
дом, где жил Бетховен; слуховые
инструменты; рояль; личные
вещи.

С. ЗИНIN,
специальный корреспондент
«Кругозора»
Бонн

БЕТХОВЕНА

ЖИЛЬБЕР БЕКО



Цена 1 руб.

Франция

Двенадцатая звуковая страница — трансляционная. Студийные записи Жильбера Беко мало что дают. Они лишены динамики спектакля. А искусство Беко — мчащееся без пауз зрелище поющего и мимирующего актера, наделенного неистощимым зарядом действия. Критики изощрялись: «Г-н сто тысяч вольт», «Генератор»... «Трехфазного тока» — бросал им на ходу Беко. Однажды он и слова к песне решил сочинить сам. Вывел заглавие — «Пироги пекут», выдал из себя несколько строчек, понял, что дело безнадежно, и... отнес написанное поэту Морису Вигалену, сделавшему из беспомощной заготовки текст известнейшей песни Беко «Свадьба». Жильберу осталась «только» мелодия. Но в мелодии, в музыке и есть вся его жизнь. Беко родился сорок пять лет назад в Тулоне, в доме, где на маминном рояле лежала дедушкина флейта. Домашняя музыка привела мальчика в консерваторию и на уроки знаменитого польского пианиста Падеревского. Потом Беко напишет много «Пианиста из Варшавы» — о сломленном войной музыканте, в душе которого слились Шопен, варшавский Старый рыпок и учительский завет: «Играй от сердца». В пору нацистского нашествия Жильбер был еще мальчишкой. Он мечтал о маме и не знал, как найти их, когда спасительным цветком в небе раскрылся парашют его брата Жана — офицера Сопротивления. Братья ушли в горы, и тогда Жильбер был партизанским связным. Там, в Савоие, — истоки трагической песни «Был друг у меня» и насмешливого маршика к фильму «Бабетта идет на войну».

Прозанку лестно, когда его считают поэтом, и песенник Беко гордится своей единственной оперой — «Аранской историей». Этот спокойный рассказ о любви ирландца и итальянки, равно как и волшебная, в кружевах, поэма об Экзюпери «Маленький принц вернулся», странно контрастирует со стремительно влетающим за кулисы Беко, который, бросаясь под душ, кричит репортерам: «Если вам не мешает шум воды, спрашивайте, — мне не мешает!»

Артем ГАЛЬПЕРИН